

Пассажир своей судьбы

Автор:

Альбина Нури

Запертый в ловушке

Альбина Нури

За пределом реальности

Своего отца Федор толком не знал: родители давно были в разводе. Однажды, желая разобраться в себе и начать новую жизнь, он собрался навестить его. Мать всеми силами пыталась отговорить сына от поездки – у нее было дурное предчувствие, но парень не стал прислушиваться к увещаниям и все-таки сел в поезд.

Поначалу ничто не предвещало беды: обычное купе, доброжелательные попутчики. Но затем поезд стал пугать Федора: соседи неожиданно сменились, состав не делал остановок, а зловещего вида проводник запретил ему покидать купе.

Пытаясь разобраться, что происходит, Федор узнал, что поезд едет в непонятном направлении, состав не имеет машиниста, и сойти по собственной воле не может никто. У жуткого поезда нет конечной станции, и лишь проводник знает, когда и где окончится дорога для каждого пассажира.

Книга также издавалась под названием «Пассажир своей судьбы».

Альбина Нури

Запертый в ловушке

Глава 1

Мать каменным изваянием застыла в дверях комнаты. Я спиной чувствовал ее негодующий взгляд: между лопаток так и жгло. Мне не требовалось оборачиваться, чтобы увидеть, что она стоит там: взгляд скорбный, как у великомученицы на иконе, губы поджаты, руки скрещены на груди, ноги – на ширине плеч, будто она собралась делать наклоны во время утренней гимнастики, и вся фигура выражает крайнее возмущение.

Старательно делая вид, что не замечаю ее присутствия, я продолжал запихивать вещи в сумку. Если бы мать захотела помочь, то давным-давно уложила бы все самым аккуратным образом, еще и свободное место осталось бы. Но она категорически против моей поездки, так что приходилось корячиться самому. Получалось плохо, и я точно знал: обязательно забуду засунуть что-то нужное, зато потащу с собой кучу ненужного хлама.

Мать молчала, точно зная, что я знаю, что она стоит в дверном проеме. А я знал, что она это знает и... В общем, все как обычно.

Иногда мне казалось, что каждый из нас считает другого диким зверем: кружит рядом, и даже периодически сужает круги, но опасается злого нрава хищника и поэтому не решается пойти на сближение. В последнее время нам не удавалось поговорить так, чтобы к концу разговора не разругаться в пух и прах.

О том, что я собираюсь ехать, мать узнала неделю назад, и с той поры скандалы и ссоры не прекращались. Сейчас прозвучит последний аккорд: мой поезд отходит через несколько часов.

– Ты понимаешь, что ломаешь собственную жизнь? – не выдержала она.

– Почему поехать к отцу означает сломать себе жизнь?

Я ответил как можно спокойнее. Во-первых, чтобы не обострять ситуацию, а во-вторых, потому что понимал, что мой невозмутимый тон сильнее всего ее бесит.

Да-да, вот такая двойная философия. И да – вот такая я сволочь. Но просто действительно достала эта ситуация. Честно.

День был в самом разгаре – половина второго. В раскрытое окно ломилось лето: ветерок трепал занавеску, на детской площадке кричали малыши, кто-то громко смеялся, хлопали дверцы автомобилей. Мы живем на втором этаже и волей-неволей в курсе всего, что происходит во дворе.

Квартира однокомнатная, поэтому мы с матерью постоянно на виду друг у друга. Скрыться можно только на кухне и в ванной. Может, будь у нас большой дом, где просторно и много места, мы не мозолили бы глаза друг другу и не раздражались до зубной боли.

А может быть, все равно находили бы поводы для недовольства и ругани.

– Ты уже взрослый человек, прекрати вести себя как избалованный мальчишка!

Я решил, что глупо стоять к ней спиной, бестолково перекладывая в сумке носки и трусы, и обернулся.

Так и есть: поза, лицо – все красноречиво говорит, что мать разозлилась всерьез и отступать не намерена. Но она ошибается. Мне уже не десять лет, чтобы мамочка могла запретить меня дома и лишит прогулки.

– Правильно. Мне скоро двадцать, и я хочу сам решать, что мне делать. Хочу – и буду.

Глупо прозвучало, согласен. Не хватало еще ножкой топнуть. Мать это заметила и немедленно ринулась в атаку:

– Неужели ты не соображаешь, что, насолив мне, ты сделаешь хуже себе самому! Послушай, Федор, мы можем все обсудить. – Она подошла ближе. – Мы не всегда понимаем друг друга, но это не повод принимать скоропалительные решения!

Я смотрел на нее сверху вниз, хотя мать у меня довольно высокая и крупная. Но я пошел в отца, а тот почти двухметрового роста. Прошли времена, когда я

прибегал с улицы, получив по шапке от соседских мальчишек, утыкался носом ей в живот и ревел. Мать успокаивала меня, но никогда не шла выяснять отношения с теми, кто меня обидел. Я понимаю, что это правильно, что матери не должны вмешиваться в дела детей, но в глубине души так хотелось, чтобы она вышла во двор и наваляла всем, кто посмел меня тронуть, а заодно и с их родителями разобралась.

Будь отец рядом, может, он защищал бы меня. Или тогда вообще никто из дворовых хулиганов не посмел бы косо на меня глянуть?

Кроме роста, всем остальным я похож на мать. Смотрю на нее – и вижу свои светло-карие глаза, нос с горбинкой и непослушные жесткие волосы, которые я стрижу почти под ноль, а она красит в каштановый цвет, потому что виски уже совсем седые.

В детстве мать казалась мне самой красивой на свете. Все дети считают свою маму самой красивой, но моя мать была по-настоящему яркой, эффектной женщиной. Я не знаю, были ли у нее мужчины после развода с отцом – если и были, то она их тщательно от меня скрывала. Одно бесспорно: пожелай она, легко вышла бы снова замуж. Но мать не хотела, и мне кажется, я знаю почему.

Она ждала, что отец попросит у нее прощения и вернется. Только он этого так никогда и не сделал. Хотя, видимо, тоже хотел все исправить, потому что не женился.

А может, я ошибаюсь, и все дело в том, что скоротечный брак напрочь отбил у обоих желание делить жизнь с кем бы то ни было.

– Какая разница, понимаем мы друг друга или нет? Я же не от тебя уезжаю. Просто хочу понять, как жить дальше.

Мать всплеснула руками и метнулась к окну, словно собираясь призвать соседей в свидетели.

– Вы посмотрите! Понять он хочет! Разве для этого надо ехать за тридевять земель?

Отец живет в поселке Улемово, недалеко от Улан-Удэ. Ехать туда из Казани поездом почти четверо суток. Перелет я даже не рассматривал, мечтал проехать на поезде через всю страну. Это казалось романтичным, значительным, что ли. В дороге можно читать, размышлять, глядеть в окно, а мимо будут проноситься чужие города, поля, леса, реки.

– Выходит, надо. – Сейчас я говорил спокойно, не чтобы ее позлить, а желая объяснить. – Мне нужно осознать, чего я хочу. Когда живешь в привычной обстановке, это невозможно. Здесь рутина, привычные маршруты. А там будут новые лица, новые места.

Мамино лицо сморщилось, губы задрожали. Господи, этого еще не хватало!

Она села на стул возле окна и спрятала лицо в ладони.

– Не надо, мам, – попросил я. – Это запрещенный прием.

– А оставлять меня одну – не запрещенный прием? – Она вскинула на меня заплаканные глаза и выкрикнула: – Обо мне ты подумал? Как я тут буду, одна, без тебя?!

Распахнутая дверца шкафа вдруг с грохотом захлопнулась, и мы оба подскочили от неожиданности.

– Что такое? – испуганно спросила мать.

– Сквозняк, наверное. – Я пожал плечами. – Помоги уложить вещи, пожалуйста.

Мне хотелось отвлечь ее, отогнать подальше слезливое настроение, но я просчитался. Просьба осушила слезы, но вызвала очередную серию упреков:

– Ты даже вещи не можешь нормально собрать! Неприспособленный, несамостоятельный! А если тебе помощь понадобится? Думаешь, отец разбежится помогать? Как же, держи карман шире! Это он по телефону такой... рассудительный! Конечно, не воспитывал, не растил! Натрепал всякой чуши, а ты и побежал к нему, высунув язык!

- Перестань! Ничего он не трепал! Он, если хочешь знать, даже отговаривал!

- Вот спасибо-то, благодетель! - Мать вскочила со стула и картинно поклонилась. В углу, которому она кланялась, стоял телевизор, и в другой момент это выглядело бы смешным. - Еще бы он не отговаривал! Зачем ему такие хлопоты?

Здрасьте, приехали! И так плохо, и эдак нехорошо, вечно одно и то же!

- Тебя не поймешь, - с досадой сказал я. - Ладно, не хочешь, не помогай. Сам справлюсь.

Мать подлетела ко мне, решительно оттеснив плечом в сторону, и принялась складывать свитера, белье и обувь.

- Зачем ты бросил университет? Можешь нормально объяснить? Ты хоть отдаленно представляешь, чего мне стоило тебя туда устроить?

Я с грехом пополам проучился в энергетическом университете два курса. Точнее, промучился. Ни одной интересной мне лекции, ни одной сессии без «хвостов». В зачетке - сплошные тройки, поневоле начнешь считать себя тупицей. Мне никогда в жизни не хотелось быть энергетиком, но у матери имелись связи в этом вузе, поэтому она меня туда и «поступила».

Закрывая в июне очередной долг, я понял, что еще три года не выдержу. Меня тошнило от одного вида университетской высотки, что торчит неподалеку от берега Казанки. Я плелся туда, проклиная все на свете, и в первую очередь - свою слабохарактерность и уступчивость.

- Не хочу там учиться. И никогда не смогу работать по специальности, - обреченно сказал я, предвидя новую порцию укоров.

- Но ведь тебя же в армию заберут! - Голос матери зазвучал растерянно, почти умоляюще.

- Значит, пойду в армию, - упрямо проговорил я. Мать хотела возразить что-то, но я не позволил. - До осеннего призыва еще полно времени. Я подумаю и решу.

Может, вернусь обратно в энергоунивер («Ни за что на свете!»). Или в другой институт поступлю. Что ты заранее нагнетаешь! Я же не навсегда еду. Поживу какое-то время с отцом и решу.

Она распрямилась, закончив с вещами, которые теперь лежали ровными стопками. Сверху, как я и предполагал, оставалось еще немного места. Теперь мать смотрела прямо на меня.

– Знаю я, что ты себе в голову вбил. Писателем собрался стать. Что это за профессия такая ненормальная? Да это вообще... не профессия никакая!

– Конечно, и Толстой, и Гоголь, и Чехов – все идиотами были! Один энергетик Чубайс гений.

– Прекрати ерничать! – громко и жестко бросила мать, уперев руки в бока и сдвинув брови к переносице. Всю жизнь терпеть не мог, когда она так делала. – Ты же не можешь на полном серьезе считать себя гениальным писателем! Пушкиных с Лермонтовыми, да даже и... – мать нетерпеливо пощелкала пальцами, – Донцовых каких-нибудь – по пальцам пересчитать! А остальные, кто не пробился? Их, может, миллион! Хочешь всю жизнь впроголодь прожить? По издательствам бегать с рукописью под мышкой и ждать, пока кто-то соизволит тебя напечатать?

– Да почему ты никогда в меня не веришь?! Откуда знаешь, что у меня ничего не выйдет, что я неудачник и ничего не добьюсь? – Я чувствовал, что сейчас наговорю лишнего, но уже не мог заставить себя замолчать. – Ты заранее все за меня сама решила, составила подробный план, расписала на десять лет вперед и ждешь, что я буду жить именно так! А если я не хочу жить по твоему распорядку? Ты об этом подумала? Может, мне нужно что-то другое? Кто тебе дал право за меня решать?

– Федор, я...

– Что «Федор»? Ну, что? Скажешь, я не прав? Ты хоть раз в жизни поинтересовалась, что я пишу? Захотела почитать?

– А тебе важно было мое мнение? – выкрикнула она.

Соседи, наверное, притихли и прислушивались.

– Представь себе, важно! Между прочим, это довольно неприятно, когда родная мать считает тебя ничтожеством!

– Но я никогда не считала... – начала было она.

– Вот поэтому, наверное, отец и сбежал от тебя! Ты никогда ему не верила, никогда не поддерживала! – договорил я.

И тут же пожалел, что сказал это, но сделанного не воротишь. Вдруг стало тихо-тихо, даже за окном вроде бы смолкли все звуки. Мы с матерью стояли друг напротив друга и тяжело дышали, как загнанные лошади. Я чувствовал, что сказанное навсегда легло у наших ног, и вряд ли получится поднять эту тяжесть, выбросить прочь из души и из памяти.

Мать, не говоря ни слова, отвернулась от меня, как будто я ее ударил. В каком-то смысле так оно и было. Она никогда не рассказывала мне, почему они с отцом развелись, и я понятия не имел, почему он бросил нас, уехал на другой конец страны. Но это явно была тяжелая для нее история, и слова мои, как ни крути, были ударом ниже пояса.

«Вот если бы она сейчас заплакала, я бы, наверное, не выдержал и остался!» – пришло мне в голову. Но мать поступила так, как всегда поступала, когда ее обижали. Выражение лица стало суровым, отрешенным, и она холодно проговорила:

– Делай что хочешь. Решил ехать – езжай. Видеть тебя не могу.

Мать круто развернулась и вышла из комнаты. Идти у нас, как я уже говорил, особо некуда, поэтому она скрылась на кухне и притворила за собой дверь. Дверь была со стеклянными вставками, так что я видел ее силуэт: мать неподвижно сидела на табурете возле стола.

Меня тянуло пойти и успокоить ее, попросить прощения и попрощаться по-человечески, но я опасался, что все начнется сначала: уговоры, слезы, укоры. Так и на поезд опоздаешь.

Я застегнул молнию на сумке, проверил документы, взял с вешалки ветровку и, поколебавшись, направился к входной двери, как вдруг за моей спиной раздался жалобный звон. Обернувшись, я обнаружил, что с полки упала статуэтка.

Изящную фигурку ручной работы я купил в Елабуге и подарил матери на день рождения: накопил, когда работал летом на мойке. Хрустальная лошадка гарцевала на подставке, на спине ее сидела горделивая наездница в длинном платье по моде девятнадцатого века.

Опять, что ли, сквозняк? Вроде и ветра нет, да и статуэтка тяжелая, ее так просто не сдуло бы. Замерев возле порога, я стоял, уставившись на то, что осталось от хрупкой вещицы. Осколки рассыпались по полу, не было больше ни красавицы-наездницы, ни тонконового благородного скакуна.

Открылась дверь кухни. Я знал, как мать дорожит моим подарком, и сейчас буквально оторопел, предвидя ее реакцию. «Надеюсь, она не подумает, что это я!» – промелькнуло в голове.

– Моя Дама! – потрясенно прошептала мать. – Как Дама могла разбиться? Она стояла далеко от края!

Я ждал, что мать бросится собирать осколки, примется причитать над ними, но вместо этого она, не взглянув больше в сторону разбитой статуэтки, подошла ко мне. Взгляд ее был пристальным, настойчивым, и было в нем что-то еще. В тот момент я не смог сообразить, что именно, и только потом понял: это был страх. Страх – и еще что-то.

– Тебе не надо ездить, – тихо сказала мать.

– Мам, не начинай, прошу тебя!

– Ты не понимаешь, – она покачала головой. – Дело не во мне и не в тебе. У меня дурное предчувствие. Это поездка добром не кончится. Дама не могла упасть просто так!

– Перестань, пожалуйста. – Я обнял ее и прижал к себе. – Что за суеверия? Ты же никогда не верила в такие вещи.

– Не верила, а теперь точно знаю, что говорю, – сказала она, уткнувшись мне в грудь.

– Прости, мам. Я не должен был говорить тебе про отца.

– Да брось, – отмахнулась она, хотя еще несколько минут назад остро переживала обиду, я же видел. Но больше это ее не волновало. Мать подняла голову, взгляд ее был напряженным и тревожным.

Честно скажу, мне стало не по себе.

Я сразу запретил матери ехать провожать меня на вокзал: ни к чему эти долгие прощания, когда не знаешь, что сказать, что сделать. Но тут мне вдруг захотелось, чтобы она поехала со мной. «А еще лучше, чтоб отговорила ехать!» – сказал голос внутри меня. Ага, как же, возразил я сам себе. Выдержать такой прессинг, чтобы в последнюю минуту повернуть назад! Что может быть глупее?

– Не переживай, мам. Я позвоню, хорошо? Буду часто звонить, обещаю. – Я осторожно убрал ее руки. – Мне пора, а то опоздаю.

Поцеловав мать в щеку, я вышел из квартиры. Щека была мягкая, как тесто, и вся ее фигура казалась поникшей, а лицо – постаревшим и безжизненным. Мне было немного жутко видеть такой свою энергичную, боевитую мать, и я поспешно отвернулся, заспешил к лестнице.

Она больше не сказала ни слова, даже не попрощалась, продолжая стоять и смотреть. Будто фотографировала меня, приберегала на память, чтобы потом легче было воскресить мой облик перед мысленным взором.

Позже я постоянно вспоминал этот пылающий, горестный и вместе с тем болезненно сосредоточенный взгляд и удивлялся, почему он не смог остановить меня, удержать дома.

В подъезде едва уловимо пахло гарью. Зимой какой-то придурок поджег детскую коляску, что стояла на первом этаже, и весь подъезд заволокло едким черным дымом. Запах въелся в стены и до сих пор не выветрился.

Случилось все ночью. По правде сказать, я был напуган и растерян, хотя и сумел это скрыть. Не знаю почему, но у меня что-то вроде фобии: боюсь открытого огня, пожара. Даже посиделки возле костра не люблю – вдруг огонь разгорится слишком сильно, и ситуация выйдет из-под контроля.

Тогда, в подъезде, все обошлось. Пожарные приехали быстро, потушили пламя, которое толком и разгореться не успело, а после еще обходили квартиры, спрашивая, все ли в порядке.

Никто не угорел и не отравился газом, в остальном же ничего в порядке не было: жильцам пришлось отмывать стены и лестницу. Мыли, конечно, женщины, а мужчины таскали воду. Я выливал вонючую темную жижу в унитаз и думал: узнать бы, кто это сделал, и заставить его языком каждую ступеньку вылизывать!

Из-за всей этой катавасии я забыл позвонить Неле, и она разозлилась.

Злилась Неля часто, а особенно бесило ее то, что данный факт, как ей думалось, меня совсем не волновал. Она считала, что я черствый и бессердечный, что мне нет дела до ее переживаний. Неля ошибалась: мне совершенно не хотелось ругаться, но не удавалось найти подходящих слов, чтобы убедить ее в этом.

Мы постоянно ссорились, Неля периодически со слезами бросала трубку, выбегала из кафе или оставляла меня одного в кино или парке, заявляя, что все кончено. Но отношения тянулись почти полтора года, пока не разорвались окончательно. Случилось это больше месяца назад, когда я впервые заикнулся, что хочу бросить универ и уехать к отцу.

Мама недолюбливала Нелю, но в одном они были солидарны: я безответственный идиот, который не думает о будущем и гоняется за журавлями, разбрасываясь полузадушенными в кулаке синицами.

Неля вспомнилась некстати – я запретил себе о ней думать. Поначалу это было сложно, потому что в голове не прекращался нескончаемый монолог: я раз за

разом, отыскивая все новые аргументы, доказывал Неле, почему она не права, а я прав. Это продолжалось, пока однажды утром я не проснулся с мыслью, что больше не хочу ничего ей объяснить. Но воспоминания все равно оставались довольно болезненными (хотя с каждым днем все менее), поэтому думать о Неле я не любил.

А сейчас и без того проблем хватает.

Выходя из подъезда, я споткнулся на лестнице и едва не упал.

- Шею не сломай, - раздался насмешливый голос.

Гульназ-апа, соседка с первого этажа. Ее окно прямо возле подъездной двери, и она, кажется, вообще никогда от него не отходит. Живет Гульназ-апа прямо под нами и, разумеется, отлично слышала нашу с матерью перепалку. Теперь весь дом будет знать, что я уехал к отцу, а мать не хотела меня отпускать.

В душе шевельнулось раздражение: соседские бабки нам с матерью теперь все кости перемоют. Может, сказать старой ведьме что-то, чтобы отбить желание молоть языком? Нет, только хуже сделаешь.

- Здравствуйте, - буркнул я.

- Далеко собрался? - не отставала Гульназ-апа.

Сама напросилась.

- Вы же подслушивали, так чего спрашивать?

Пока соседка подбирала слова для ответа, я уже завернул за угол дома.

Прежде чем отправиться на вокзал, зашел в магазин и купил бутылку водки. Уже на кассе подумал: а вдруг в вагон со спиртным не пустят? Но не тащить же ее обратно? Засунул на самое дно сумки и побежал на остановку.

Автобусом было бы быстрее, но я предпочел поехать на трамвае.

Движение по рельсам, когда нельзя свернуть куда вздумается; вагончик, который со звоном катится вдаль – во всем этом есть нечто мистическое. Неотвратимость, предопределенность пути казалась мне странно притягательной. Ты делаешь выбор, забираясь на подножку, – а дальше уже ничего от тебя не зависит: ты следуешь туда, куда проложены пути.

Но при этом в любой момент можешь соскочить, если покажется, что ведут они не в ту сторону, – и это вселяет надежду.

Ладно, ерунда все это.

– Несколько дней ехать! Трястись через всю страну! Что там делать-то, в поезде этом? Водку пить?

Мамино умение думать о хорошем, видеть во мне только лучшее всегда меня умиляло. Интересно, почему сразу водка? Что я, алкаш подзаборный? Когда я задал ей этот вопрос, мать махнула рукой и заявила, что знает меня как облупленного. И это притом, что она и пьяным-то меня видела всего два раза! Я разозлился, и мы в очередной раз поцапались.

Но бутылку я все равно купил. Не потому, что хотелось напиться, а просто потому... Понятия не имею почему! Чтоб была.

«Получается, мать оказалась права?» – с ехидцей осведомился внутренний голос, но я приказал ему не лезть не в свое дело.

Трамвайный вагон был полупустым. Я сунул в уши наушники, включил музыку и уселся у окна – ехал и глядел по сторонам.

Туристы любят Казань: она отличается от других российских городов необычным сплавом восточной пышности, размаха и западной лаконичности. Я люблю Казань и горжусь ею, но сейчас город, в котором я прожил всю жизнь, казался мне немножко чужим. Он уже не принадлежал мне, как и я – ему.

Люди шли по улицам, переходили через дороги, ныряли в подземные переходы. Они спешили, были заняты – их ждали дела, а меня здесь уже ничего не держало. Город отталкивал меня, отторгал, выдавливал из себя, и это причиняло

боль. Мне казалось, я только в эти минуты по-настоящему увидел его, разглядел, впустил в сердце.

Казани больше тысячи лет, и мне вдруг показалось, что за всю эту тысячу не было здесь человека, который был так растерян, как я сейчас. В одном мать точно права: я хотел того, чего мне почти наверняка не получить. А принять то, что имею, не мог.

Впрочем, с этим я уже свыкся. Прислушавшись к себе, понял, что чувствую себя так паршиво в основном потому, что плохо расстался с матерью. Вроде и не поругались – хуже бывало. Но ее стойкое нежелание отпускать меня угнетало. Поневоле начинаешь сомневаться: а туда ли я еду? Оно мне точно надо?

Раньше думалось, что стоит мне вырваться из-под ее опеки, как я испытаю невиданное облегчение. Меня выводили из себя нравоучения, нотации и бесконечные придирки: не то сказал, не туда положил, не вовремя вернулся. Количество «не» зашкаливало! Неумеха, недотепа, невежливый, невнимательный, неаккуратный и прочая, и прочая. На ближайшие три месяца (а может, и на больший срок) я избавлен от этого давления, так где же она – легкость?

На вокзал я примчался, как говорится, впритык, за несколько минут до отправления поезда. Длинная толстобрюхая зеленая змея замерла у перрона, и люди с тюками и чемоданами загружались в ее чрево. Мой вагон – четырнадцатый, ближе к хвосту.

Пробегая мимо скамеек на перроне, я обратил внимание на надпись на одной из них, надпись гласила: «Любовь моя Владик». Некоторые люди не могут спокойно пройти мимо любой мало-мальски подходящей поверхности, чтобы не оставить автограф. Я где-то читал, что это тяга к увековечиванию себя, желание оставить хоть какой-то след. Интересно, когда писали «Владик», что имели в виду – парня с таким именем или город Владивосток?

На перроне стояла проводница, невысокая полная женщина с шапкой мелких кудряшек, выкрашенных в красно-коричневый цвет. Круглое лицо было усыпано коричневыми веснушками. Я подал ей билет, она чиркнула по мне усталым равнодушным взглядом и пропустила в вагон. Водка осталась со мной: никто не собирался устраивать обыск.

Я поднялся по железным ступенькам и, уже стоя в тамбуре, обернулся. На секунду мне показалось, что в толпе провожающих мелькнуло лицо матери. Я начал приглядываться, стараясь отыскать ее, но безуспешно: мешали чужие плечи, головы, руки.

«Да не она это. Откуда ей тут взяться?»

– Молодой человек, вы долго будете стоять? – нетерпеливо проговорила какая-то женщина. Из-за меня она не могла пройти в вагон и сердито топталась на месте.

В моем купе уже был пассажир.

Прежде мне было некогда задумываться о том, кем окажутся попутчики, но, открывая сейчас раздвижную дверь, я запоздало обеспокоился этим вопросом.

Вдруг моим соседом окажется быдловатый мужик, тупой качок или классическая «я же мать» с круглосуточно орущим, избалованным отпрыском? Или вредная бабка, которая невзлюбит меня с первого взгляда и примется выносить мозг? Или...

– Я Костя, – сказал сидящий у окна парень в синей футболке. Он был примерно моего возраста и совсем никакой не качок: щуплый, невысокий, узкоплечий. Лицо открытое, располагающее – надеюсь, мы поладим.

Завидую я таким общительным: видит человека впервые в жизни – и никакого стеснения. Улыбается, руку тянет. Лишь бы только не болтал без умолку.

– Далеко едешь? – спросил Костя.

– До конечной.

– Я до Тюмени.

У меня нижняя полка, у него, как выяснилось, верхняя, надо мной.

– Ничего, если я у тебя внизу посижу?

– Сиди.

Дверь отъехала в сторону, и в купе вошел коротко стриженный мужчина угрюмого вида. Я вздрогнул: мужчина был похож на одного преподавателя из универа, который срезал меня на экзамене с особенным сладострастием. Мгновением позже я понял, что это не Расимов, но инстинктивная неприязнь, зародившись во мне, никуда не делась.

«Расимов» молча сунул нам для приветствия сухую широкую ладонь, забросил свои вещи в ящик под полкой и тут же вышел в коридор.

Что-то мне сегодня все чудится: то мать, то препод. Так все-таки она это была или нет? Вытащив из кармана телефон, я набрал ее номер. Сразу надо было позвонить, и почему раньше в голову не пришло? Но мобильный матери оказался выключен.

– Меня моя тоже не проводила, – сочувствующим тоном сказал Костя.

Он сидел, свесив руки между колен, и следил за моими манипуляциями с телефоном.

– Кто? – не понял я, на секунду удивившись, откуда он знает про Нелю, и едва не пустившись в объяснения, что между нами все кончилось еще до того, как я купил билет. – А, нет, это не девушка. Я матери звонил. То есть хотел позвонить.

Она это была или нет, теперь уже было не важно: поезд дернулся, закричал и медленно пополз вдоль перрона. Провожающие дружно нацепили натужные зубастые улыбки, принялись кивать и махать руками.

Женщина с трагическим лицом говорила что-то, широко разевая рот и тряся головой.

Маленькая девочка с торчащими в разные стороны короткими хвостиками побежала за поездом, мать ринулась следом, схватила ее за руку.

Мне до конца не верилось, что я все-таки уеду, пока поезд не тронулся с места. Казалось, кто-то меня остановит, что-то пойдет не так, и придется с побитым

видом вернуться домой. Однако сбылось, исполнилось.

- Поехали! – жизнерадостно сказал Костя.

А у меня на душе вдруг стало так гадко, так неудержимо потянуло обратно, что захотелось выпрыгнуть в окно, и черт с ним, с Улемово. Удачная идея съездить к отцу, повидаться с ним, а заодно придумать, что делать дальше, показалась претенциозной, глупой и мелодраматичной.

Мне никогда не приходилось так далеко ездить – тем более одному. Да и вообще мало где приходилось бывать. Когда был маленьким, ездил с матерью в Сочи и Геленджик. После выпускного мы с одноклассниками скатали в Питер. В Москве пару раз был – опять же с матерью, а еще ездил к ее двоюродной сестре в Воронеж. А теперь вот еду туда, где меня, в общем-то, никто не ждет.

Отец – а что отец? Жил же он без меня все эти годы, не кашлял. А тут вдруг я свалюсь ему на голову.

Поезд набирал ход. Осталось позади красное здание вокзала – красивое, немного вычурное, постройки позапрошлого века. Промелькнули замершие в ожидании вагоны на запасных путях, фигурки путевых рабочих в ярких жилетах, какие-то серые, унылого вида постройки. Казань удалялась от меня все дальше, выпрыгивать из вагона уже бесполезно.

Было жарко, и Костя приоткрыл окно. От ветра волосы его вздыбились, как панковский гребень.

В купе вернулся «Расимов». Уселся напротив нас, уставился в окошко. Четвертое место пока пустовало.

- В туалет еще нельзя, – не то спросил, не то подумал вслух Костя.

- Санитарная зона, – не глядя на него, произнес «Расимов». Голос у него оказался сухой и скрипучий, как речной песок.

Мне захотелось остаться одному. Достал бы ридер, почитал: я скачал туда несколько книг, до которых никак не доходили руки. «Надо было груши

купить», – запоздало подумал я и вспомнил про водку. Нас как раз в купе трое. Что за пошлость!

Щелчок и грохот – дверь скользнула влево, и на пороге возникла красноволосая проводница. Расположившись рядом с «Расимовым», она занялась нашими билетами.

– А белье когда можно взять? – спросил Костя.

– Минут через сорок, – ответила женщина. Интонация, как у моей матери: вроде спокойная, но чувствуется взвинченность. Неосторожное слово – и взорвется.

Костя, похоже, не имел опыта общения с такими взрывоопасными, поэтому продолжал допрашивать проводницу: когда закончится санитарная зона? А чай нам принесут? Когда откроется вагон-ресторан?

– Молодой человек, вы меня отвлекаете. У меня от вас уже голова болит, – сдерживаясь из последних сил, проговорила она.

Когда проводница вышла, Костя сказал:

– Надо же, какие мы нервные! – И засмеялся. Его, видимо, ничто не могло выбить из колеи и лишит оптимизма. Интересно, что это – недалекость ума или высшая степень мудрости?

Я пожал плечами.

– Думаешь, ты тут один такой? – по-прежнему не глядя в нашу сторону, сказал «Расимов». – Все со своими претензиями лезут. Один спросит, другой... Язык небось на плече за целый день.

– Работа у нее такая, – не смутившись, ответил Костя. – Как говорится, кто на что учился.

– Балабол, – усмехнулся «Расимов». – А ты на что?

– По диплому инженер. А по жизни – менеджер по продажам.

- Продавец, значит. И чем торгуешь?

- Бытовой техникой.

Надо же, получается, Костя старше меня: отучился, работает. Правильно говорят: маленькая собака до старости щенок.

- Я вот недавно телевизор купил, - оживился «Расимов». - С большим экраном. Давно такой хотел. Включил - там картинка приплюснутая!

Костя принялся объяснить, что нужно изменить в настройках. Мне стало скучно, и я уже не слушал. Вытащил мобильник и увидел, что пришла эсэмэска. Абонент появился в Сети. Значит, у матери отобразился мой пропущенный вызов. Чего же не перезванивает?

Я встал и вышел в коридор, на ходу набирая ее номер.

Гудки потекли мне в ухо, но ответа не было. Характер выдерживает, не желает говорить или не слышит?

- Да, Федя, - раздался наконец настороженный голос. Слышно было не очень хорошо. - Ты как?

- Еду, - сказал я.

- Попутчики нормальные?

- Нормальные. Парень молодой и еще мужик один.

Интересно, сколько «Расимову» лет? Кажется, больше сорока, но меньше пятидесяти.

Мать молчала, я тоже.

- Не волнуйся. Все отлично. Завтра позвоню.

– Хорошо, – голос звучал с непривычным смирением и грустью.

Похоже, до сознания матери наконец дошел факт моего отъезда, и она покорилась неизбежному. Больше не воюет, приняла свое поражение. Вот только у меня вместо радости возникло чувство, что чего-то не хватает. Вражеская армия подняла белый флаг, и тут оказалось, что размахивать победными знаменами хочется вовсе не так, как раньше.

– Мам, ты что, приходила на вокзал? – спросил я и понял, что мне ее жалко.

В трубке загудело, заскрежетало, я отодвинул мобильник подальше от уха. Мимо прошла женщина в пестром халате и домашних тапочках. Некоторые люди с ходу начинают обжигаться. Наверняка на столике ее купе уже красуются жареная курица и яйца с огурцами.

Гудение стихло, воцарилась тишина, а через секунду прохладный механический голос известил меня о том, что связь потеряна и абонент находится вне зоны действия Сети. Я вздохнул и вернулся в купе.

Костя и «Расимов», обсудив, по всей видимости, достоинства и недостатки плазменных телевизоров, переключились на другие темы. Они синхронно повернули головы в мою сторону, и Костя проговорил с обычной своей улыбкой:

– Ты куда пропал? Мы с Камилем ужинать собираемся. Будешь?

Значит, «Расимова» на самом деле зовут Камилем. Столик между ними был все так же пуст.

– У меня есть пирожки и водка, – сказал я.

Глава 3

Я проснулся от яркого света. Он бил прямо в глаза, как прожектор. Терпеть этого не могу, нормально выспаться способен только в непроницаемом мраке, поэтому всегда на ночь задергиваю шторы. Мой диван стоит в небольшой нише,

отгороженной ширмой, так что попадание утренних солнечных лучей исключено. Что же тогда?..

Вспомнилось через мгновение. Я же не дома, а в поезде. Поезд ехал: меня легонько покачивало из стороны в сторону. «Ту-дум-ту-дум, ту-дум-ту-дум», – стучали колеса. Я вытянул затекшие ноги и повернулся на бок. Так-то лучше. В смысле, чуть темнее.

Интересно, сколько сейчас времени? Проснулись ли уже Костя с Камилем? Не слышно ни храпа, ни сонного дыхания. А впрочем, не интересно ничуть. Видимо, еще очень рано. Я не выспался, поэтому снова задремал и незаметно для себя погрузился в сон.

Второй раз я проснулся уже не от того, что свет помешал. Приоткрыв один глаз, увидел, что за окном вообще никакого солнца: сумрачно, пасмурно. Потемневшее мрачное небо припало животом к земле, давило влажной тяжестью. «Наверное, сейчас дождь начнется», – подумал я.

Странно, но в купе, кроме меня, никого не было. Куда подевались попутчики? Наверное, в коридор вышли. Или в туалет.

Самое интересное, что верхняя койка была аккуратно застелена, на полке лежало что-то яркое, похожее на женскую резинку для волос. Видимо, ночью в купе появилась новая пассажирка. Раз ее пока нет, надо бы одеться.

Я сел, отбросил простыню и нашарил ногами кроссовки. Еда и посуда, стоявшие на столике, были заботливо прикрыты белым вафельным полотенцем. С уголка притулилась полупустая бутылка минералки – кажется, Костя вчера из вагона-ресторана принес. Взглянув на воду, я понял, что хочу пить. Схватил бутылку, осушил ее в несколько жадных глотков. Вот так сушняк, виновато подумал я, а вроде не так уж много выпили с вечера.

У Камиля было три бутылки пива, и у Костика – две. Плюс моя водка. На мужскую компанию из трех человек вообще не считается. Ужинали тоже в складчину: Костик выложил на стол хлеб, огурцы с помидорами и вареные яйца. Камиль достал мясо с картошкой, заботливо завернутое в фольгу, и кызылык – конскую колбасу. Не прогрызть ее, но все равно вкусная. Еще у него были с собой перемячи с мясом, овощи, сыр и бледная, аккуратно нарезанная на куски,

пахнущая лавровым листом и укропом курица. Все в стратегических количествах.

– Жена собирала, – пояснил он.

Мои резиновые пирожки, купленные в пекарне при магазине, так и остались сиротливо лежать на столе: на фоне кулинарных шедевров Камиля спросом они не пользовались.

За столом мы сидели втроем часов до одиннадцати, а после Камиль собрался спать. Мы с Костей решили, что ложиться рано, была даже мысль отправиться в вагон-ресторан, но потом мы ее отбросили: лень. Разморило – сколько съели-то!

Постепенно разговор стал угасать, к тому же Камиль вертелся и ворочался. Похоже, мы мешали ему своей болтовней. Стало как-то неудобно: человек нас угостил по-королевски, а мы ему спать не даем.

Да и разговаривать было, в сущности, не о чем. Все темы – от политики до женщин – мы уже перебрали, поэтому Костик полез на свою полку, я тоже улегся. Поначалу было неудобно, никак не удавалось найти приемлемую позу на узкой лежанке, в нос лезли запахи кызылыка и курицы, да еще и Камиль принялся храпеть, но в итоге я тоже заснул и спал не просыпаясь.

Хотя нет, один раз все же проснулся – буквально на пару минут. Поезд остановился на какой-то станции, но не мягко и плавно, как обычно, а чересчур резко. Я чуть не свалился с полки, но глаза так и не открыл. Помню, вместо запахов еды купе наполнил какой-то другой запах, не слишком приятный – вроде того, как пахло у нас в подъезде, когда колясконенавистник совершил свой коварный поджог – но плохой запах быстро выветрился. Повернувшись со спины на бок, я снова заснул. Больше меня уже до утра ничего не беспокоило.

Я натянул футболку с джинсами, обулся, скатал постель в рулон и придвинул к боковой стенке, у входа. Захочется подремать – расстелю. На столике был полный порядок: стаканы в подстаканниках и какая-то снедь, завернутая в пакеты. Интересно, куда подевалась грязная посуда и остатки нашего вчерашнего пира? Мы ведь ничего не убрали, решили, что это может подождать до утра.

Глянув под стол, я не увидел там и пустых бутылок. Наверное, кто-то из ребят встал пораньше и выбросил, а заодно прибрался. Или, может, новая пассажирка. У женщин (по крайней мере, тех, кого я знал) склонность к уборке заложена генетически. Мать не могла пройти мимо грязного стакана или брошенной на спинку стула рубашки. Если бы увидела тот бедлам, который мы оставили с вечера, в обморок бы упала. А потом встала и прибралась, попутно высказывая все, что думает по этому поводу.

Вероятно, и незнакомка-попутчица, обнаружив наш свинарник, все вычистила, выбросила, вымыла. Немного неудобно, конечно, но, с другой стороны, мы же ее не просили, сами бы все убрали, когда встали.

Кстати, где же все-таки Костя и Камиль? Костя должен выйти в Тюмени вроде бы ближе к вечеру. Название станции, до которой ехал Камиль, я позабыл, но зато помнил, что доехать до нее мы должны в час дня. Еще подкалывали вчера Камиля, мол, куда столько еды – всего-то и надо было поужинать и позавтракать.

– Понимали бы чего, сосунки, – с медвежьим добродушием отозвался тот. – Жена на то и нужна, чтобы заботиться о муже. Пусть лучше я не съем и выброшу, чем голодным останусь. Тем более к матери еду. Разве нормальная жена допустит, чтобы свекровь упрекнула, сказала, будто ее сына в черном теле держат?

Детей у Камиля не было. То есть сын был, но от первого брака, и общаться с ним первая жена запретила. А со второй женой потомством обзавестись не получилось.

– Жену надо вот где держать, – сказал Камиль и показал нам кулак.

Но на самом деле это еще вопрос, кто кого держал. Супружница дважды сумела до него дозвониться, и хотя говорили они по-татарски и мы с Костей почти ничего не поняли, но по интонации было ясно: никакая она не покорная мусульманская жена. «Ярый, ярый, яхшы, джаным. Ладно, хорошо, душа моя», – успокаивающе бормотал Камиль, а звучный женский голос в трубке на чем-то настаивал и вроде бы сердился.

Говорят, мужчины женятся на своих матерях. То есть жена, как правило, напоминает мать. Если это правда, то мне уготована участь Камиля: кивать,

соглашаться, не говорить лишнего, чтобы не будить зверя, и вечно ходить в виноватых. В памяти всплыли образы девушек, с которыми я встречался. Список короткий, но, если подумать, все они действительно были вздорными и своенравными.

Жили Камиль с женой где-то под Казанью, в частном доме. Он подробно и нудно рассказывал, в чем сложности содержания баранов, как надо ухаживать за курами и выращивать помидоры.

- Это что у тебя? Помидоры? - презрительно косился он на Костины томаты. - Тыфу это, а не помидоры! От них знаешь какой запах должен идти? Не знаешь! И кожура разве такая должна быть? Нежная, тонкая, но упругая. А у этих что? - спросил он, грозно воззрившись на владельца неправильных овощей. - Дубовая кожа, бычья!

Костик смеялся и объяснял, что купил их на рынке и вообще в помидорах разбирается, как свинья в апельсинах.

Я поражался, как сильно изменился Камиль после нескольких глотков алкоголя. Пока трезвый был - слова щипцами не вытянешь, а тут надо же, разговорился. Есть такие люди: когда пьяный и когда трезвый - будто два разных человека, которые даже незнакомы между собой.

Камиль с Костей болтали без умолку, у меня даже голова разболелась. Когда поезд остановился на какой-то станции, я вышел на перрон подышать.

- Десять минут стоим, - предупредила проводница.

Время шло к восьми вечера, вечерело. Воздух был прохладным, по земле ползли синеватые тени. Солнце еще не укатилось за горизонт, но краски дня уже поблекли.

Станция была небольшая - крошечный городишко с незапоминающимся названием. Вокруг полно народу: бабули в платочках продавали пассажирам вишню, крыжовник и вареную картошку; спешили куда-то вокзальные служащие с озабоченными лицами; дворник шаркал метлой, возил ее туда-сюда, и жесткие прутья оставляли в пыли царапины.

Из соседнего вагона на перрон неловко спрыгнул мужик в спортивных штанах и рубашке с короткими рукавами. Он был пьян – не до синевы, но ощутимо, и, спрыгивая, подвернул ногу. Зашипел, выругался сквозь зубы. Потом зачем-то отряхнул штаны, огляделся по сторонам и направился в мою сторону.

– Закурить есть? – спросил он. Глаза были пустые, невыразительные, как пуговицы.

– Не курю. А у тебя пачка в кармане.

– А ты откуда знаешь? – Он икнул и сдвинул брови к переносице.

– Вижу. – Я ткнул пальцем: пачка выпирала из кармана рубашки.

– А, ёшки-матрёшки! Извини, братан.

– Миша! Миша, ты чего там? – пронзительно закричала какая-то женщина, высунувшись в окно. – Вернись в вагон! Останешься еще!

Миша вздрогнул от неожиданности и выронил пачку, заругался уже в голос.

Я отошел подальше, чтобы не слушать их перебранку.

Вдалеке виднелась улица: двухэтажные дома, деревья, машины.

А ведь и здесь живут люди! Обычные люди: умные и глупые, злые и добрые, подлые и прекраснодушные. Живут самой настоящей, невыдуманной жизнью, и страдают, и не знают, что будет завтра, и изменяют друг другу, и волнуются, что денег мало...

Я давно заметил, что, приезжая в другой город, почему-то начинаю думать, будто у местных жителей все иначе, не как у меня, проще и легче. И сразу хочется круто поменять жизнь, бросить все и остаться тут.

У меня есть один друг. Вернее, был – так правильнее. Сережка Васильев. Забавный парень. Увлекающийся. Один раз так увлекся, что с моей тогдашней девушкой переспал, Ксюшей. Я, правда, больше мучился из-за Сереги, чем из-за

девушки: Ксюшу эту я знал от силы три месяца, а с Серегой мы росли вместе, в школе за одной партой сидели. Такое предательство простить нельзя – что это за друг? Ладно, до Ксюши мне дела, по сути, не было, а если бы было? Если бы на ее месте другая была, та, кого я по-настоящему бы любил? Вдруг бы я пошел и повесился с горя?

В общем, Серега как увидит красивое место – на природе где-нибудь, так обязательно скажет: «Вот бы построить здесь дом и жить!» Так и мне иногда думалось, что в другом городе все у меня было бы по-другому, удачливее и лучше...

Но не здесь все-таки. Слишком уж тут провинциально и глухо. Дыра какая-то, даже не точка на карте, а соринка.

Залезая на подножку, я умудрился выронить мобильник. Что за гадство!

«А если это тоже дурной знак? Как моя Дама?» – ожил в голове взволнованный голос матери.

Я подобрал разбитый сотовый, прошел в вагон, и проводница захлопнула дверь. Стоя в коридоре, я осмотрел пострадавший телефон. Через мертвый, погасший экран шла трещина, похожая на восклицательный знак. Я нажал на кнопку, пытаюсь включить аппарат, потом еще раз, жал и жал, но экран оставался безжизненным и темным. Бесполезно. Я понятия не имел, можно ли его починить. Но полагал, что выгоднее купить новый. Телефон у меня не бог весть какой навороченный, а ремонт вроде бы стоит дорого.

Но пока нечего об этом думать. Приеду в Улан-Удэ, разберусь. Главное, что сейчас делать? Без телефона – почти катастрофа. Я не помню наизусть практически ни одного номера, кроме экстренных служб да еще, как ни странно, Сереги Васильева. Запомнил потому, что его номер очень простой – 2-888-444. Ни матери не позвонить, ни отцу. Хотя отец знает, когда я приезжаю, будет встречать.

Да вдобавок – отсутствие интернета. Без него я, как любой современный человек, чувствую себя голым и беспомощным. Я вздохнул и убрал погибший телефон в карман.

В купе было все то же – разговоры, еда, выпивка.

– Ну, что там? – спросил Костя.

– Ничего. Воздух свежий. Давай наливай.

Так где же все-таки Костя? На полке над моей головой не было ни матраса, ни подушки, ни вещей. Я приподнял свою полку и заглянул вниз. Странно. Мы ведь вчера запихнули туда его сумку вместе с моей. А сейчас моя на месте, а Костина исчезла. Украли, что ли, когда я ночью в туалет ходил? Так ведь я не ходил вроде. Или забыл? Но не настолько я был пьян, чтобы не помнить.

Ладно, вернется – спрошу. Сойти с поезда он точно не мог. До Тюмени еще ехать и ехать. Я посмотрел на полку Камилля. Там было постелено: на матрас натянута серая простынка, сверху – клетчатое шерстяное одеяло.

Куда они ушли вдвоем?

Точно! И как я раньше не сообразил? Опохмелиться решили! Пили больше меня, особенно Камилль, вот башка и трещит с утра. Меня решили не будить, а сами пошли в вагон-ресторан.

Ладно, нужно сходить умыться, избавиться от противного кислого привкуса во рту. Зеркало, утопленное в двери, отразило помятую физиономию с полосой на щеке. Отлежал, как сказала бы мать. Хорошо, что щетины еще нет, можно не бриться. Я взял туалетные принадлежности и вышел в коридор.

Вагон ощутимо качало из стороны в сторону: поезд набрал хороший ход, до ближайшей станции, видимо, далеко. Где мы едем, интересно? В противоположном от туалета конце вагона на стене висит схема маршрута, нужно будет потом посмотреть.

За окном моросил дождь – причем, скорее всего, давно. Сейчас путь лежал вдоль разбитой проселочной дороги, на которой тут и там виднелись пятна луж. Рядом с дорогой была стена кустов и деревьев. Понурые, поникшие, они напоминали растерянных людей, что горбятся и ежатся под дождем, не зная, куда спрятаться, и ветви их похожи на опущенные вдоль тел руки. Такое

ощущение, что из лета мы въехали в осень.

В коридоре никого не было, туалет открыт и свободен.

В поездах всегда на редкость противная вода: запах у нее специфический, кажется, туда подмешали какую-то гадость. Весь прыщами покроюсь за эти несколько суток от такой воды. Но не будем капризничать. Это, в принципе, мелочи.

Я нажал ногой на педаль, клапан открылся, внизу замелькали шпалы. Кое-как приведя себя в божеский вид, я повернул замок и открыл дверь.

Возле окна стоял мальчик лет десяти, черноволосый и смугловатый.

- Здравствуйте, - сказал он. Надо же, какой вежливый.

- Привет, - ответил я.

Коридор снова оказался пустым. За дверями одного купе что-то жужжало: фен, наверное. Пройдя чуть дальше, я услышал, как хнычет ребенок, и женщина - наверное, мать - пытается его успокоить:

- Прекрати капризничать, потерпи немножко! Ты же мальчик. Хочешь планшет? Или вишню?

- Не хочу я твою вишню! Дай мороженое!

Ага, возьми и выкати ему мороженое! И голос еще такой назойливый, как комариный писк. Бедная мамаша, и как у нее терпения хватает? Дать бы ему подзатыльник, чтобы нервы не трепал.

Я не стал слушать, что она ответит, и прошел дальше, думая, как мне все же повезло с попутчиками. Сегодня, без спиртного, Камиль еще и молчать будет, так вообще красота. Можно будет спокойно «Фабрику офицеров» Ганса Гельмута Кирста почитать.

Должно быть, Костя с Камилем уже вернулись из ресторана, думал я, открывая дверь своего купе. Люди внутри действительно были. Сидели на полке, мирно беседовали, угощались яблоками.

Вот только это были не Камиль и Костя.

Глава 4

– Вам кого? – спросила пожилая женщина.

Или, может, не такая уж пожилая: точно определить, сколько ей лет, было сложно из-за ее полноты. В жизни не видел таких колоссально широких теток. Многоярусные подбородки, груди-арбузы, ноги-колонны. Короткие волосы выкрашены в каштановый цвет. А лицо довольно приятное, открытое.

Девушка лет двадцати пяти, что сидела рядом, почти прижавшись к столу, стрельнула в мою сторону глазами и слегка покраснела.

– Это мое купе, – озадаченно проговорил я, не понимая, в чем дело.

Ошибки быть не могло: номер я еще мог бы перепутать, но вот наклейку с Человеком-Пауком, что красовалась возле дверной ручки, – ни за что.

– Mam, это, наверное, парень с нижней полки, – тихо сказала девушка, отложив в сторону надкусанное яблоко.

– А, ну конечно! Спящая красавица! – зычно сказала толстуха и заулыбалась, заколыхалась телесами. – Мы уж гадали, заболел, что ли? Спит и спит! Сели, вещи разложили, на стол все ставим – хоть бы хны! Мне бы такой сон!

– Mam! – прошипела девушка и покраснела еще сильнее.

– «Mam» да «мам»! Что я такого особенного сказала?

- А где Костя и Камиль? – глупо спросил я.

- Это еще кто? Друзья твои? Сошли, а тебя тут оставили?

Женщина хотела пошутить, но мне было не до смеха. Девушка, видимо, поняла это по выражению моего лица и легонько тронула мать за плечо:

- погоди, мама. Что-то случилось?

Да, определенно случилось. Но вот что? Хотел бы я знать.

Войдя в купе – не стоять же в дверях, – я сел на свою полку напротив новых попутчиц.

- Я сел на поезд в Казани. Камиль и Костя тоже. А сейчас их почему-то нет.

- Так сошли, говорю же, – женщина ударила себя ладонями по бедрам, удивляясь моей бестолковости.

- Нет, это невозможно, – я замотал головой. – Костя едет в Тюмень, к брату, он говорил. Зачем ему выходить раньше? А Камиль... Я забыл, до какой станции он едет, но он сказал, что выходить ему в час дня.

Произнося это, я сообразил, что, возможно, сейчас уже больше тринадцати часов. Так что все объяснимо: Камиль сошел, а мать с дочерью сели! Что до Кости... Да всякое может быть. Может, передумал ехать. Может, ему позвонили и попросили вернуться. Что толку голову ломать? От души немного отлегло.

Женщина и девушка молчали, причем женщина больше не улыбалась. Они словно видели всю ту мыслительную работу, что шла в моей голове, и ждали, к каким выводам я приду.

Я полез за телефоном. С вечера положил в маленькую сумку с документами и деньгами, засунул под подушку. Не знаю, воруют ли сейчас в поездах, но предусмотрительность никому еще не вредила. Уходя умываться, взял сумку с собой, и сейчас она висела через плечо.

Доставая разбитый мобильник, я надеялся на чудо: бывает же, что сломанная вещь по непонятной причине чинится сама собой. Однако в данном случае волшебства не случилось. Нажав на кнопку раз-другой, я оставил бессмысленные потуги.

- Телефон вчера выронил. Он сломан, не могу включить. Вы не знаете, сколько сейчас? Времени, я имею в виду.

Мать и дочь переглянулись, словно не вполне понимая, о чем их спрашивают. Потом девушка спохватилась и потянулась за мобильником, который лежал на столе. Телефон был старый, кнопочный - неужели кто-то продолжает пользоваться такими?

- Может, включится, конечно, но вряд ли. Батарейка села, - виновато проговорила девушка.

Она повертела в руках серый аппаратик, похожий на головастика.

- Не работает. И зарядника нет. Дома оставили.

- Ладно, ничего страшного, - натянуто улыбнулся я.

Хотя ситуация нравилась мне все меньше и меньше.

- Вы не голодный? - робко осведомилась девушка.

Я хотел ответить отрицательно, но тут же понял, что хочу есть. Придется прогуляться до вагона-ресторана. Однако девушка меня опередила:

- Мы как раз хотели пообедать, да, мама? Будете с нами?

Отнекиваться я не стал. Может, в другой ситуации и отказался бы, но сейчас был слишком растерян. Идти никуда не хотелось - хотелось сидеть тут, рядом с этими женщинами, одна из которых явно мне симпатизировала, и вести незначительные разговоры, отвлекающие от проблем. Поэтому я с благодарностью согласился.

Девушка убрала полотенце, которым был прикрыт столик. Под полотенцем чего только не оказалось – выпечка, сладости, фрукты. А еще суп в банке, металлические миски с салатами и вторыми блюдами, мясная нарезка... Культ еды какой-то. Я невольно покосился на толстую женщину.

Девушка принялась наполнять пластиковую тарелку едой, а после протянула ее мне:

– Кушайте, не стесняйтесь, – улыбнулась она.

– Дай-ка мне картошки с курой, – велела дочери женщина.

Было вкусно, только чересчур сытно, жирно: много масла и майонеза, обилие приправ и специй. Как сказала бы мать: смерть для желудка.

Вспомнив про мать, я вздохнул. Она небось каждые пятнадцать минут набирает мой номер и уже сходит с ума, когда слышит, что абонент не отвечает. Костерит меня, наверное, на все лады: думает, я отключил телефон, а включить забыл. Психует: обещал позвонить, а сам молчу.

– Вам не нравится? – спросила девушка.

По-видимому, она так решила, взглянув на мою кислую физиономию.

– Очень нравится, спасибо, – спохватился я.

– Тебя как звать-то? – спросила женщина.

Жевала она, почти не прикрывая рта, и шумно сглатывала. Это было неприятно, и я старался не глядеть в ее сторону.

– Федор.

– А я Тамара Юрьевна. Но лучше без «Юрьевны». Мы люди простые, – она хохотнула, и изо рта вылетел кусочек огурца.

Я выдавил вежливую улыбку и сделал вид, что не заметил.

- Катя, - представилась девушка.

За своими переживаниями я как-то не успел к ней приглядеться. Ну, девушка и девушка, сидит и сидит. Участливая, вежливая. Теперь же, посмотрев на нее внимательнее, счел, что она мне, пожалуй, нравится. В смысле, чисто внешне. Я даже удивился, что прежде не разглядел, какая она хорошенькая.

У Кати были большие серо-голубые глаза и длиннющие ресницы - кажется, не накрашенные. Лицо сердечком, с маленьким ртом и подбородком, а волосы - просто чудесные: густые, каштановые, с рыжинкой. Кажется, что в них запутался солнечный зайчик.

«Господи, что еще за метафоры?»

Сообразив, что уже давно пялюсь на нее, я поспешно отвел глаза.

- Откуда сам-то? - спросила Тамара.

- Из Казани, - ответил я и, чтобы отвести дальнейшие расспросы, добавил: - К отцу еду, в Улемово.

- Не слышала про такое, - покачала головой Катя.

- Развелись? - бесцеремонно поинтересовалась Тамара. - С матерью-то?

- Мама! - вновь укоризненно проговорила Катя и бросила на меня испуганный взгляд.

- Дело житейское, - отмахнулась ее мать и вытерла губы салфеткой. - Мы с Катюшиным отцом тоже разбежались. Года не прошло. Она и не помнит, какой он есть, папаша-то.

- Да, родители развелись, - коротко ответил я.

Тамара пустилась в рассуждения о бывшем муже и нелегкой доле матери-одиночки. Я кивал из вежливости, а сам смотрел в окно.

Мы проехали по мосту, перекинутому через небольшую речушку. Серая вода была покрытая рябью – моросил дождь. Дальше тянулись луга и перелески, никакого следа человеческого жилья. Интересно, когда ближайшая станция? Выйти бы на перрон, размяться, проветриться.

Вроде давно уже едем без остановок. Поезд-то не скорый, а пассажирский, поэтому должен, как сказал вчера Костя, останавливаться у каждого столба.

Говорят, есть люди с обостренным чувством времени: они точно знают, который час, сколько минут прошло от такого-то события. Я к ним не отношусь, но точно могу сказать, что с момента моего пробуждения минуло не меньше полутора часов.

С другой стороны, может, поезд останавливался, пока я спал, а теперь движется к ближайшему населенному пункту. Не в чистом же поле останавливаться?

– Спасибо, – проговорил я, отодвигаясь от стола.

– На здоровье. – Катя забрала тарелку из моих рук.

– Да, теперь вот к ней и едем, – сказала Тамара, и мне пришлось изобразить понимающую улыбку, хотя я прослушал, о чем она говорила, и понятия не имел, к кому это – «к ней». Да и какая разница?

Катя начала прибираться на столе, и я вышел, чтобы не мешать. В дальнем конце коридора возле окна стоял мужчина лет сорока или старше. Он повернул голову в мою сторону, поглядел пару секунд, мотнул головой – видимо, в знак приветствия, и снова уставился в окно. Я кивнул в ответ, хотя он этого увидеть уже не мог, и тоже стал смотреть на проносящийся мимо окон поезда пейзаж.

Любоваться было особо нечем, и я почти не видел, куда смотрю, занятый своими мыслями. Собственно, это были даже не мысли, а их обрывки, которые беспокойно вертелись в голове.

Стоя здесь, на вытертой тысячами подошв ковровой дорожке, возле грязного окна, я чувствовал себя покинутым и одиноким. Еще и погода нагоняла тоску: деревья печально клонились под дождем и ветром – непогода разыгралась не на шутку. Листва на некоторых деревьях уже пожелтела, еще немного – и листья облетят с веток.

Краем сознания я понимал какое-то несоответствие. Что-то не то было во всей этой картине, но я не мог понять что, и от этого тревога усиливалась.

- Не помешаю?

Я и не слышал, как подошла Катя. Подошла и встала рядом.

Она слегка касалась меня плечом, и ощущение определенно не было неприятным. На душе стало светлее – пусть бы она подольше не уходила. Вот только я не знал, о чем с ней говорить. Банальные вопросы задавать не хотелось, а умные в голову не приходили.

- Тебе грустно, – пронизательно заметила Катя. – Мне тоже.

- Почему?

- Потому что у меня никого нет. И это никогда не изменится.

В ее голосе прозвучала такая жгучая, бесконечная тоска, что я сразу понял: она не кокетничает, как это часто делают девчонки. Эти слова Катя произнесла не для того, чтобы я принял ее разубеждать. Она просто констатировала факт, и от безнадеги в ее голосе у меня по коже побежали мурашки.

Я повернулся к ней и неловко хмыкнул, окончательно смешавшись, не представляя, что на это ответить. Катя не смотрела в мою сторону.

- Тебя что, парень бросил?

«Вот дурак! Нашел что сказать! Сейчас она пошлет меня к черту, чтоб не лез не в свое дело, и будет права».

Но Катя не стала меня посылать.

Вместо этого поглядела мне в глаза, улыбнулась и спросила:

– Хочешь меня поцеловать?

– Что?

– Ты симпатичный, – сказала она. – И вроде неглупый. Слышал же, что я сказала. Или повторить?

«Вот так поворот!» – мелькнуло в голове. Но рассуждать и тянуть время в такой ситуации означает выглядеть полным шизиком.

Я склонился к ней и прикоснулся к ее губам. Губы оказались мягкими и податливыми. Обняв Катю, я прижал ее к себе, и она не отстранилась, наоборот – прильнула жадно, обвила мою шею руками, как будто боялась, что я могу убежать.

Целовать Катю оказалось приятнее, чем Нелю. У той были тонкие, сухие и оттого немного колючие губы. Она постоянно обкусывала их, когда нервничала, а нервничала она часто. К тому же она часто красила губы помадой, которая на вкус напоминала растительный спред.

У Кати губы были свежие, полные, упругие. А пахло от нее чем-то знакомым и дурманящим: садовыми ирисами, сладкой карамелькой, осенними листьями...

«Листья! Почему они пожелтели?» – сверкнуло в голове, и я резко отстранился от Кати, пораженный этой мыслью. Посмотрел в окно, но мы ехали мимо поля, и деревьев не было видно. На тех, которые попадались, все листья были зеленые, как и положено летом. Но ведь в том перелеске они определенно выглядели как в сентябре! Или мне показалось?

– В чем дело? – спросила Катя.

– Да так, не обращай внимания.

Очарование момента ушло. Вернулась смутная тревога, назойливое ощущение окружающего несоответствия... Несоответствия чему? Нормальному ходу вещей?

Странное, щекочущее чувство. Как будто ты смотришь на происходящее, но не можешь разглядеть того, что нужно. Не видишь вещей такими, какие они на самом деле.

Мне пришла на ум одна история из глубокого детства. Считается, что дети не помнят себя в возрасте трех-четырёх лет, но я ту историю отлично помню. Мать, скорее всего, забыла, а я – нет.

Я ужасно не любил ходить в детский сад, потому что друзей там у меня не было, воспитательница постоянно кричала на нас, в манной каше были комочки, а еще заставляли спать днем и делать поделки. Другие дети охотно лепили, вырезали и клеили, а у меня руки вставлены не тем концом, ничего путного не получалось, и я вечно был среди отстающих. В общем, любить детсад мне было не за что, и я, не успев оказаться в группе, тут же начинал ждать, когда за мной придет мама.

Под вечер, когда детей разбирали по домам, я обычно садился к окну и неотрывно глядел на улицу. Высматривал маму. Однажды она заглянула в группу и увидела меня возле окна.

– Федюша, окна выходят на другую сторону, ты меня никак не сможешь увидеть, – сказала она. – Бесплезно ждать.

Наверное, это показалось ей забавным. Взрослых часто смешат выводы и поступки маленьких детей.

Но она не понимала двух вещей: во-первых, того, насколько сильно это расстроило меня, малыша. Отнятая надежда, ни больше ни меньше: мое окно в мир оказалось заколоченным. Мне почти двадцать, но это детское отчаяние до сих пор живо где-то внутри меня.

А во-вторых, это я понял уже позже, главное – сильно стремиться к чему-то, хотеть и верить. И тогда однажды окажется, что окно прорублено в нужной стене.

Я не знаю, почему мне вспомнилась сейчас та история. Я будто снова стал ребенком – беспомощным, замершим в ожидании. Но мама не придет и не прогонит монстров, не заберет в тихое уютное место, где никто не тронет. Придется как-то разбираться во всем самому.

Мужчина, который, оказывается, все еще стоял в противоположном конце коридора, закашлялся. Кашель был надрывный, тяжелый, с присвистом. Бедняга согнулся, прижав руку к груди, и никак не мог подавить приступ. Я уже хотел подойти и спросить: может, надо помочь – лекарство принести или воды, но мужчина отошел от окна и скрылся в своем купе.

Мы с Катей остались одни. Моя рука по-прежнему лежала у нее на талии, я прижимал девушку к себе, а она смотрела на меня, запрокинув голову, будто ждала, что я снова ее поцелую. Вместо этого я сказал:

– Ты очень красивая.

– Правда? – словно бы удивилась она.

– Тебе что, не говорили?

– Говорили, но я не верила.

– Зря. Это в самом деле так.

Она склонила голову и лукаво улыбнулась:

– Даже красивее твоей девушки?

Все женщины одинаковы. Им обязательно нужно услышать, что они на свете всех милее, что соперницы – толстые прыщавые уродины. Да и потом, Катя, видимо, таким нехитрым способом решила проверить, есть ли у меня кто-то.

Мне стало досадно: могла бы просто спросить – напрямую. А еще лучше – вообще не заговаривала бы на эту тему. Зачем сразу, с места в карьер, оценивать брачные перспективы? Прущий из всех щелей инстинкт гнездования только отталкивает мужчин – очевидно же.

- У меня нет девушки, - сухо ответил я.

- Ты что, обиделся? Я не хотела выспрашивать.

- Не обиделся, еще чего. Просто не хочу об этом говорить.

- Хорошо, не будем, - легко согласилась она.

Я вспомнил, что хотел посмотреть схему движения поезда, узнать, когда ближайшая остановка, и сказал об этом Кате.

- Зачем тебе нужно знать, когда будет остановка? - спросила она, и я уловил едва заметное недовольство в ее голосе. - Разве тебе не нравится ехать?

Глава 5

Схемы пути на месте не оказалось. Пластиковая ячейка, где ей полагалось быть, висела пустая.

- Черт! - выругался я. - Куда она делась?

Я поглядел на Катю, а она отвела глаза, как будто сама стащила схему.

- Связи нет, где мы едем - непонятно, сколько времени - тоже не знаем. Превосходно!

- А я знаю, сколько времени, - раздалось сзади.

Мы с Катей синхронно обернулись и увидели мальчика. Того самого, с кем встречался сегодня возле туалета.

- У меня есть часы! - с гордостью сказал он.

- Так который час? - спросила Катя.

- Шестнадцать часов сорок пять минут, - торжественно отозвался мальчик.

- Спасибо, - Катя улыбнулась и потрепала его по волосам. - Далеко едешь?

- В Улан-Удэ, к дедуле с бабулей.

- Ты не знаешь, давно поезд останавливался? - неожиданно для себя спросил я.

- Останавливался? - в голосе ребенка слышалось удивление.

- Ну, станция когда была? И какая станция? Ты не запомнил?

Мальчик смотрел на меня не отвечая, словно я говорил на незнакомом ему иностранном языке.

- Наверное, не запомнил, - вздохнула Катя, и мне почудилась скрытая издевка в ее голосе.

- Мне к маме нужно.

Мальчик развернулся на пятках и умчался прочь.

- Странный какой-то, - сказал я, и вдруг меня осенило: - Можно же у проводницы спросить! Чего я мучаюсь?

Катя хотела сказать что-то, но не успела. Я прошел мимо нее к купе, где обитала проводница, и постучал. Потом еще раз, и еще. Никто мне не открыл и не ответил.

- Наверное, вышла куда-то.

- Может быть, - тихо отозвалась Катя.

- Попозже подойду еще раз.

Что сказать, что сделать – я не знал. Чем тут займешься? Куда пойдешь? Коридор, купе, туалет, вагон-ресторан – вот и все маршруты. Но в купе идти не хотелось. Есть – тоже не хотелось. Опять, что ли, к окну?

– А давай поищем пустое купе, – предложила Катя.

Я хотел спросить зачем, но, глянув ей в глаза, сразу догадался. Она вновь приникла ко мне с такой жадностью, будто хотела пить. Необычная девушка, мелькнуло в голове. Я не привык, чтобы женщины так явно проявляли инициативу – обычно бывало наоборот. А тут – ни уговоров, ни ритуальных танцев с прелюдиями, ни букетов-конфет.

Но в этот момент как-то не очень хотелось задумываться, анализировать.

– Так пойдем поищем? – повторила Катя, и я кивнул.

Первое же купе оказалось свободным. Ни людей, ни вещей.

«Пока поезд не остановится, никто сюда не придет – разве что проводница вздумает заглянуть, – подумал я. – Да и шут с ней!»

Мы заперлись изнутри и набросились друг на друга, как будто это был последний секс в нашей жизни. Мне кажется, я никого и никогда еще не хотел так сильно и неудержимо. Катины глаза ярко блестели, как будто она вот-вот заплачет. Девушка не закрывала их, наоборот, смотрела на меня неотрывно, напряженно. Взгляд был одуряющий и немного сумасшедший.

Все произошло так стремительно, спонтанно и неожиданно, что, когда закончилось, я подумал: это вправду было? Мне не пригрезилось?

Мы оторвались друг от друга, и я, испытывая неловкость, ждал, что Катя сейчас примется ластиться ко мне, говорить сладкие слова о том, как чудесно все было, или же примется уверять, что она «не такая», с кем попало в постель не прыгает, просто мои обаяние и сексуальность свели ее с ума.

Но Катя в очередной раз меня удивила. Более непредсказуемой девушки мне встречать не приходилось.

- Ты не мог бы выйти на минутку? Мне нужно привести себя в порядок.

- Хорошо, - сказал я, хотя не понял, что она имела в виду.

Волосы у нее были слегка растрепаны, но в остальном, на мой взгляд, выглядела Катя прекрасно. Она сидела на полке и застегивала блузку, не глядя в мою сторону. Даже, кажется, прятала глаза. Может, стыдилась своего порыва? Напрасно. Я не стал думать про нее хуже.

- В коридоре тебя подожду, - проговорил я и вышел, чтобы не смущать девушку. Пускай побудет одна, соберется с мыслями.

Снова заняв привычную позицию возле окна в коридоре, я обнаружил, что дождь закончился. Стекло горело от прикосновения солнца, которое клонилось к закату. Передо мной опять были поля и перелески, чуть поодаль виднелась невысокая гряда бархатисто-зеленых холмов.

Я лениво скользил взглядом по картинам, проплывающим за окном. Ничего не изменилось: нет связи и интернета, мне по-прежнему непонятно, где мы едем и когда ближайшая станция, но сейчас беспокоиться об этом не хотелось.

Случайный секс со случайной девушкой - в моей жизни явление редкое. Если совсем честно, это произошло у меня во второй раз. А первый был таким, что я зарекся повторять. Но сейчас чувствовал по отношению к Кате не гадливость и брезгливость, а теплую, благодарную нежность. Кроме Кати, в этом движущемся по рельсам мирке у меня никого не было.

За спиной послышался звук отодвигаемой двери, и я обернулся, думая, что подошла Катя. Однако это снова оказался мальчик: его купе было рядом с тем, которое мы облюбовали.

В руках у мальчика была грязная посуда.

- Мама велела отнести помыть, - пояснил он, улыбнулся мне, как старому знакомому, и пошел в сторону туалета.

Но не успел пройти пары шагов, как поезд качнуло, и вилки-ложки с тихим звяканьем посыпались на пол.

Я подошел, присел на корточки и принялся собирать их.

– Спасибо, – сказал мальчик.

– Уронил все-таки? Говорила же, все сразу не бери, а тебе лень два раза ходить!

Мать мальчика в длинной розовой футболке с надписью «Все девочки как девочки, а я Принцесса!» вышла из купе и заспешила к нам: в правой руке – губка для посуды, в левой – флакон моющего средства.

У «Принцессы» были узкие глаза, лунообразное лицо и плоский нос. Бурятка, наверное, предположил я. Сын был похож на мать, но симпатичнее. Женщина взяла столовые приборы у меня из рук и принялась благодарить так горячо, как будто я вынес ее ребенка из охваченного огнем дома. Мать с сыном пошли дальше, она продолжала вполголоса выговаривать ему за непослушание.

Я вернулся на свой пост возле двери «нашего» купе. Откинув сиденье у окна, уселся поудобнее. Катя выходить не спешила.

Меня охватило странное умиротворение, показалось даже, что я задремал с открытыми глазами, словно провалившись куда-то. Мысли лениво плавали в голове, как клецки в бульоне, и я не мог заставить себя додумать до конца ни одной из них.

Похожее состояние бывает, когда сидишь на особенно скучной лекции. Читал у нас политологию некто Адам Сергеевич Молодуха. Смешная фамилия, а человек – скучнейший. Как примется на одной ноте нудеть, так и тянет монотонно полтора часа. Пытаешься сосредоточиться, ухватить мысль преподавателя, но все бесполезно. Чем больше усилий прикладываешь, тем сильнее сгущается туман в голове, и остается только одно желание: положить голову на скрещенные над столом руки и заснуть.

Университет, лекции, сессии – все это казалось настолько далеким, что потеряло всякий смысл. Два года, глупо выброшенные из жизни, потраченные на

добывание ненужных знаний и оценок, ссоры и примирения с Нелей, скандалы с матерью... Я почти ничего не сумел написать за это время. Человечество-то вряд ли многое потеряло из-за этого творческого простоя, но я считал себя обворованным.

Больше такого не повторится: я стану расходовать свое время рационально, ни за что не буду делать того, к чему не лежит душа. Думая об этом, я понимал, что сейчас, когда меня еще не прибило ни к одному берегу, давать такие обещания легко.

Куда же Катя запропастилась? Прошло уже не менее получаса, как я торчу в коридоре, будто гриб на Красной площади. Давно уже вернулись с чистой посудой в свое купе мальчик с матерью; солнце опустилось еще ниже, припадая к линии горизонта, как зверь, готовый к прыжку. Чего она там возится? Что бы ни подразумевалось под словами «привести себя в порядок», за это время, по моему, уже пластическую операцию можно сделать.

Поколебавшись, я встал, подошел к двери и легонько постучался. Катя не отвечала.

– Кать, это я, Федор! У тебя там все нормально? – спросил я, но ответа не получил.

Я прислушался – изнутри не доносилось ни звука. Не успев как следует забеспокоиться, я снова стукнул в дверь, на этот сильнее, и громко позвал Катю. Никакой реакции.

– Там пустое купе, – раздался женский голос.

Обернувшись, я увидел, что из соседнего купе выглядывает «Принцесса».

– Оно не занято, – пояснила женщина.

– Знаю, но... туда девушка зашла. Я ее жду.

Объяснения звучали нелепо, и я вновь постучал и окликнул Катю. «Принцесса» пожала плечами и спряталась в свое купе, как белка в нору.

Не дождавшись ответа, я предупредил:

– Все! Я вхожу!

И двинул дверь вбок.

Купе было пустым. Пластиковый столик, затянутые зеленой искусственной кожей полки. Занавески, некогда бывшие белыми, а теперь посеревшие от времени. Немытое, исхлестанное дождями окно, вытертый половик.

– Катя? – позвал я, хотя видел, что здесь никого нет.

Прятаться она не стала бы, но я от растерянности шагнул в купе, приподнял полки, заглянул наверх, где лежали свернутые в рулон матрасы.

Я чувствовал себя как фокусник-иллюзионист, который обнаружил, что трюк с исчезновением девушки в ящике сработал не так, как нужно. Она зашла внутрь, дверь за ней закрылась, а когда открылась, оказалось, что девушка пропала. Вот только в ящике не было двойного дна, не было отсека, куда она могла бы спрятаться. Девушка пропала по-настоящему и сейчас, по-видимому, пребывала в неведомом призрачном мире, откуда ей не найти выхода.

– Что происходит? – прошептал я, потирая лоб ладонью. – Куда она подевалась?

Спокойно, спокойно. Всему есть разумное объяснение. Я же видел, Катя была смущена и, чувствуя смятение, видимо, проскользнула мимо меня, не желая встречаться.

Но как это могло произойти, если я все время торчал возле двери, словно цепной пес? «Нет, не все время», – поправил внутренний голос.

Да, точно, я отходил помочь «Принцессе» и ее сыну. По всей видимости, Катя выбралась как раз в этот момент.

Что за детская выходка? Я что, по ее мнению, должен был до вечера тут сидеть как дурак и сторожить пустое купе?

Я чувствовал себя ужасно глупо и немного злился на Катю. Нужно пойти к себе, проверить, там ли она. Скорее всего, она вернулась к матери, где же ей быть? Если Катя полагает, что я стану навязывать ей свое общество против ее желания, то может не беспокоиться. Не хочет – не надо, слова не скажу. Могу сделать вид, что мы вообще незнакомы.

«Быстрее бы уж приехать, что ли. Ну и поездочка!»

Дойдя до своего купе, я бросил взгляд на Человека-Паука и вошел внутрь, приготовившись холодно посмотреть на Катю и демонстративно отвести взгляд, давая понять, что намерен ее игнорировать.

Однако реализовать свое намерение мне не удалось. Кати в купе не оказалось.

Ее мать лежала на своей полке, закинув левую руку за голову. В правой она держала потрепанную белую книжку в мягком переплете. На обложке был изображен красавец восточного вида, который склонился над пышногрудой блондинкой. Оба они были в костюмах по моде девятнадцатого века; декольте из последних сил сдерживало рвущуюся наружу пышную грудь дамы.

«Долгожданная ночь любви», – прочел я. Любовный роман, из тех, что, кажется, продают на развес, как картошку. «Неужели можно читать такую муть? Это же вывих мозга!»

Тамара опустила руку с книгой на живот и выжидательно уставилась на меня. Я застыл на пороге, нахмурившись и думая, куда могла пойти Катя. Придется спросить у ее матери. Может, она знает.

– Тамара, скажите, а где Катя?

Женщина продолжала смотреть на меня, не меняя выражения лица.

– Просто мы были вместе, а потом она... – Я замялся. – Потом Катя отошла, и я не спросил куда. Она сюда не возвращалась? Не сказала, куда собирается?

Тамара села, опираясь свободной рукой о столик, тот жалобно скрипнул.

– Это что, шутка такая? – спросила она.

– Какая шутка?

«Господи, Катя что, успела рассказать ей, что между нами произошло?! Теперь ее мамаша в ярости, и я должен буду жениться на обесчещенной девице!» – пронеслось в голове.

– Извините, так вы знаете, где Катя, или нет? – спросил я, стараясь говорить максимально вежливо и спокойно. – Если нет, то...

– Откуда тебе известно про Катю? – чеканя слова, звенящим голосом проговорила Тамара.

Так, тетка-то, похоже, поплыла. Что значит – откуда?

– Вы что, издеваетесь? Это же я, Федор! Вот мое место, – я указал рукой на полку, на которой по-прежнему лежала моя сумка. – Мы же пару часов назад все вместе сидели, обедали! Вы с Катей меня угощали, потом я вышел, и она тоже.

Я говорил и видел: что-то не так. Кровь отливала от лица женщины, и оно на глазах становилось белым, как подушка, на которой Тамара только что лежала. Губы ее затряслись, щеки задрожали, на глаза набежали слезы.

В этот момент я заметил то, чего не разглядел поначалу, и это настолько потрясло меня, что я не мог выговорить ни слова.

Тамара выглядела совершенно не так, как в начале нашего знакомства. Это была та же женщина – и вместе с тем не та! Мощная, колоссальная женщина-гора уменьшилась в размерах, сдулась, как воздушный шар, из которого выпустили воздух. Она была все так же широка, но похудела не меньше чем на тридцать килограммов. Лицо Тамары обвисло складками, щеки не были такими полными, как раньше, морщины стали гораздо глубже, груди лежали плоскими блинами. Взгляд ее потух, а короткие волосы, прежде крашенные, теперь были совершенно седыми.

Но этого не могло быть! Невозможно так измениться за несколько часов... Да что там часов! Даже за несколько дней так не изменишься!

Я прижался спиной к стене, отшатнувшись от женщины, пораженный своим открытием. Тамара же, в свою очередь, глядела на меня выпученными от ужаса глазами, словно увидела привидение.

- Не понимаю, зачем ты это делаешь, - прошептала она. - Кто ты такой...

Я не мог выдавить ни слова. Но это был и не вопрос.

- Откуда ты знаешь Катю? Вы были знакомы? - А вот теперь Тамара спрашивала.

- Да, - только и сумел пробормотать я.

Она покачала головой, прикрыв глаза. Прозрачные слезинки, скатившись по ее щекам, исчезли в уголках губ.

«Ту-дум-ту-дум, ту-дум-ту-дум», - пели свою песню колеса, унося поезд все дальше.

- Катя умерла два года назад. Погибла, - безжизненным голосом проговорила Тамара.

Мне показалось, я падаю куда-то, переворачиваюсь вверх тормашками в тающей пустоте.

- Не может быть, - прошептал я. - Невозможно!

«Я же видел ее полчаса назад. Мы с ней...»

К горлу внезапно подкатила тошнота, я испугался, что меня сейчас вырвет, и буквально вывалился из купе, едва сумев задвинуть за собой дверь, пытаюсь отсечь от себя то дикое, невыносимо страшное, что только что услышал.

Вода с шумом лилась в маленькую металлическую раковину. Я стоял, склонившись над ней в три погибели, зачерпывая воду пригоршнями и плеская в лицо. Рвотный позыв прошел, меня больше не тошнило, но собрать мысли в кучу по-прежнему не удавалось.

Я разогнул спину и поглядел на себя в зеркало.

Лицо было красным и мокрым, а глаза – растерянными и испуганными. Капли воды блестели в волосах, губы беспомощно кривились. Смотреть на себя было почему-то неприятно и даже страшновато, поэтому я прислонился лицом к стене, прячась от собственного отражения.

– Что происходит? – проговорил я.

Тамара могла нести этот вздор про смерть Кати, потому что была больной на всю голову – шизофреничкой, умалишенной. На лбу ведь такое не написано, и не удивительно, что я сразу не понял. На самом деле Катя, разумеется, жива-живехонька. Может, сидит в соседнем вагоне, прячется от меня.

Мысль была разумной, она успокаивала, однако не выдерживала никакой критики. Опровергала ее изменившаяся внешность Тамары: похудевшее тело, постаревшее лицо, седина в волосах.

Тогда что же получается? Из нас двоих сумасшедший – я? Выходит, я видел то, чего не было и быть не могло: наше общение за едой, разговоры с Катей, то, что случилось между нами в купе...

Стоп! Но если Кати никогда не было в поезде и она всего лишь порождение моего расстроенного сознания, то как я вообще мог узнать о ее существовании? И потом, мальчик ведь тоже ее видел, говорил с нею!

Нужно найти мальчика. Спросить у него, видел ли он Катю, вернее, был ли я один, когда мы разговаривали с ним, или же рядом со мной была девушка.

«А если он скажет, что девушки не было?»

Позвонить бы матери. Она бы подтвердила, что в роду у нас психов нет и я тоже нормальный. Я услышал бы ее твердый, немного резковатый голос, и мне бы полегчало. Какие бы баталии ни разворачивались между нами, я все равно знал, что она меня любит и постарается помочь.

Заезженная фраза о том, что, когда человеку плохо, он бежит к маме, сколько бы лет ему ни было, оказалась очень верной. Собственно, это легко объяснимо, ведь мать – понятие магическое, потому что незыблемое, вечное, как луна и небо.

Ты есть, потому что есть она. Она уже жила, когда тебя еще не было, а значит, должна быть всегда. Под ее взором ты поднимался на ноги и начинал овладевать элементарными навыками и речью. Чтобы чувствовать уверенность, человеку необходимо сознание того, что мать есть где-то в мире, и окажется рядом, если вдруг станет нужно.

Мне сейчас нужно, но ее нет...

Казалось, я потерял опору. Ни позвонить, ни поговорить хоть с кем-то, ни в интернет выйти, чтобы убедиться, что в мире все по-прежнему, планета не сошла с орбиты и все также плывет сквозь тысячелетия, подставляя Солнцу то один, то другой бок. Есть все – мессенджеры и соцсети, суэта торговых центров и автомобильные потоки на бесконечных дорогах, фастфуд и пафосные рестораны, ошалевшие от каникул дети и новые хиты на радио...

Мир нормален, а значит, нормально и мое место в нем. Оно сохраняется за мной, я сойду с поезда и займу его. Снова буду думать, как жить дальше, и писать втихомолку свои стихи и очерки, мучаясь от сознания несправедливости мироздания.

«Когда-нибудь эта поездка кончится, и все снова будет как прежде», – решительно сказал я себе, но вслух произносить эти слова поостерегся: если они повиснут в воздухе, то будут слишком похожи на неизвестно кому адресованный вопрос.

Я повернул замочек на двери туалета. С детства (не знаю, по какой причине!) во мне жил страх (перерастающий в уверенность), что однажды в подобной ситуации замок не откроется. Произойдет это в общественном месте, и я

окажусь в глупейшей ситуации, запертый в туалете, а работникам придется выламывать дверь, чтобы вызволить меня из заточения.

В этот раз ничего подобного не случилось, я вышел и собрался уже пойти в купе, где ехали мальчик и его мать, бурятская принцесса в розовой футболке, как вдруг одна из дверей с грохотом отворилась, и в коридор выбежала женщина с перекошенным от ужаса лицом.

- Помогите! - крикнула она, прижимая руку к горлу. - Вася... Вася умирает!

- Что случилось? - по инерции спросил я, хотя она уже сказала, что именно.

Женщина метнулась ко мне. Глаза у нее были круглые, как плоски, большие и немного выпуклые. Она так яростно тарашилась, что я испугался, как бы ее глаза не выскочили из орбит. Вцепившись в меня ледяными влажными пальцами, женщина снова запричитала:

- Сердце! Говорила ему... - Что она говорила, так и осталось неясным. - Без сознания!

От нее пахло потом, я поморщился и невольно отстранился.

Женщина ослабила хватку, и я смог сделать шаг вперед к двери, откуда она выскочила. На нижней полке лежал мужчина в серой майке и шортах. Глаза его были закрыты, одна рука свешивалась к полу, вторая лежала на груди.

Единственного взгляда на бледное лицо с посиневшими, сжатыми в нитку губами было достаточно, чтобы понять: дело плохо.

- У вас что - нет каких-то таблеток? Лекарства?

- Нету ничего! - снова затрепыхалась женщина, обдавая меня душной волной острого неприятного запаха. - Помогите!

Из других купе на ее крики начали выходить пассажиры.

– Человеку плохо... Врача... Помирает вроде... Батюшки! – покатило по коридору.

Люди ахали, качали головами, перешептывались. Некоторые спешно ретировались, другие же застывали в коридоре, по-гусиному тянули шеи в нашу сторону, подходили ближе.

– Нужен врач! – властно прогудел краснолицый пожилой мужчина, проталкиваясь к купе, где лежал пострадавший. – Есть здесь доктор?

Люди завертели головами, оглядываясь друг на друга. По всей видимости, врача не было.

Жена больного, почувствовав в мужчине того, кто может взять на себя решение проблемы, позабыла про меня, повисла на нем, залопотала что-то бессвязное.

– Проводника позовите кто-нибудь! – продолжал краснолицый. – У сотрудников аптечка должна быть!

Кто-то побежал, начал барабанить в дверь служебного купе.

– Пойду в соседний вагон, спрошу, может, там есть врач, – сказал я.

В спину мне летели чьи-то слова, толпа гудела, и я поймал себя на мысли, что все это успокаивает. Нет, не то успокаивает, что человеку плохо, а то, что в вагоне полно народу – обыкновенных, нормальных, живых людей. И все они, как и я, едут в далекий город Улан-Удэ.

После, когда все уляжется и несчастному окажут помощь, можно будет поговорить с кем-то из них, взять телефон, попробовать выйти в интернет и написать матери на почту. Или позвонить Сереге Васильеву – шут с ней, с ссорой! – попросить его объяснить матери, что у меня телефон сломан.

А кому еще я мог бы позвонить? Ну, если бы помнил наизусть все номера? Полно знакомых, с кем можно потрепаться, но никого, к кому захотелось бы обратиться в такой ситуации, как сейчас. Одним твои проблемы будут в тягость, кто-то сделает вид, что чересчур занят, чтобы помочь, а иные пообещают, но ничего

предпринимать не станут, даже не почешутся. На Серегу я все же мог бы положиться. Хоть он и гад, конечно.

Я вышел в тамбур. Там было прохладно, и стук колес слышался гораздо громче. Открывая двери соседнего вагона, я подумал, что мне придется сейчас барабанить во все купе подряд, спрашивая, нет ли доктора, но оказалось, что этот вагон – плацкартный.

Ехать несколько суток и в купе – дело утомительное, но трястись в плацкарте... Это как мыться в общественной бане: сколько ни прикрывайся тазиком, твою задницу все равно видно со всех сторон. Особенно, конечно, «повезло» тем, кто ехал на боковушках. Даже крошечного закуточка – и то нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/albina-nuri/passazhir-svoey-sud-by>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)